

20.4.94

Лит. жур. - 1994 - 20 апр. - с. 3.

МОЛОТОВ незадолго до смерти, узнав, что американский журналист считает Сталина злодеем, а Ленина - нет, снисходительно улыбнулся и заверил, что Сталин в смысле злодейства был ягненок по сравнению с Лениным. Легче всего и нам в ответ лишь усмехнуться иронически, дескать, "между чумой и холерой не выбирают". Думается, однако, что столь легковесным оружием, как усмешки, насмешки или ругань, нам кошмаров прошлого не одолеть. Так и останемся мы с ним, в нем, ловко замаскировавшемся под еще одно лучезарное "будущее". Дань чисто эмоциональному восприятию истории советской власти мы худо-бедно отдали. И пора, наверное, переходить к более спокойным аналитическим стадиям, в соответствии с принципом - не восхищаться, не возмущаться, а понимать.

Простите меня, братья демократы, но с вашей стороны допускается не только глупость, но и большая тактическая ошибка, когда мы стараемся как можно обиднее задеть личность Ленина, принизить его способности и масштаб, превратить в мелкотравчатого злодея и авантюриста. Нравится нам это или нет, но нельзя не признать, что Ленин был человеком идеи, по его (и не только его) представлениям - великой, эпохальной. Он не использовал ее в корыстных целях, не спекулировал ею, как Сталин и все последующие наши "лидеры", он верно служил ей. Не как наемник или клерк, а как ее особо доверенное лицо, как вождь рожденного ею движения, умеющий организовать людей, зажечь их, увлечь, повести за собой... Если признать в принципе правомочным применение слова "гений" к тем, кто не созидает, а разрушает, то он гений. Никто никогда не смог бы сделать больше, чем удалось Ленину, для низвержения общественного устройства, основанного на частной собственности. Говорят, разрушать легко, а вот...

Когда как и смотря что. Попробуйте "разрушить" закон всемирного тяготения! А ведь законы товарно-рыночных отношений, механизмы частнособственнических интересов почти столь же несокрушимы. Их Ленину, конечно, отменить не удалось, но государственную машину, систему межчеловеческих отношений, общественные институты, порожденные ими и почти столь же устойчивые при внешних воздействиях, развалил почти "до основания". Никому другому даже отдаленно приблизиться к подобным результатам не удалось бы. И никогда уже не удастся. Главные преграды на пути к строительству коммунизма, как считалось изначально, были практически устранены, и тут...

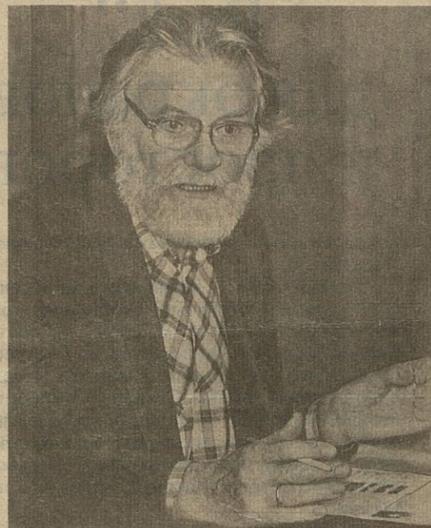
И тут Ленин увидел, что абсолютно ничего со строительством социализма не получается, что экономика разваливается, что на смену царским вельможам и бюрократам пришли комбюрократы и чинуши, еще более невежественные и жадные. Что пропасть между народом и новой властью быстро растет, что "не мы ведем, а нас ведут", что мировой пролетариат вовсе не рвется поддержать российскую революцию, что "нам угрожает гибель".

Это еще было не прозрение, это было открытие, горькое, страшное для него, но не парализовавшее волю Ленина. Нет, не из-за опасности утраты личной власти запаниковал он. Обладая абсолютным гос-

подством во всех политических и государственных структурах, огромной, распаленной братоубийственной войной армией, изолированным аппаратом ЧК, всепроникающим партийным аппаратом, можно было не пугаться антоновских и кронштадтских мятежей. Но это был вариант для Сталина. Ленин все-таки хотел строить социализм. Для народа. Пусть и против его воли. И он умел слушать жизнь, честно анализировать факты, признаваться в ошибках и железной волей переламывать неблагоприятный ход событий.

МЫ СЕЙЧАС почти за 10 лет экономических реформ так и не сумели сделать десятую часть того, что Ленин (вопреки воле большинства в своем окружении!) сделал за первые полтора года нэпа. Конечно, тогда восстанавливать механизмы частной собственности, торговли, конкуренции было легче (давно ли их разрушили!), и все-таки...

"В магазине у Егорова разбежались

глаза. Всего было много, и все хотелось купить. На полках до самого потолка стояли коробки с конфетами и с печеньем, бутылки с вином и сладкой водой. На прилавках лоснились окорока, колбасы, сыр, балыки, икра. И продавщицы в белых колках на головах розовыми пальцами резали и взвешивали на бронзовых весах всю эту благодать".

Это маленький штрих из жизни героя повести П.Нилина "Испытательный срок", героя, который ненавидел нэпманов и никак не мог понять: зачем понадобилось Ленину отказываться пусть от утверждающих нищету, но таких красивых, таких героичных принципов военного коммунизма?

"И откуда что взялось!" - вот самая типичная фраза, звучавшая почти у каждого, кто описывал первый год нэпа. Один из литературных героев романа С.Залыгина "После бури" заглядывает в газету (в 1923 году!) и глазам не верит: "курс советского золотого рубля составляет 17,40 в бумажных дензнаках, 2 французских франка, 1,12 итальянской лиры, 0,75 чехословацкой кроны, а немецкая марка, та стоит по отношению к рублю три десятых копейки!".

А ведь всего год-полтора до этого ка-

залось: еще чуть-чуть продвинуться по пути к светлому завтра - и все, не будет России. Кончится! Перемерет вся, разбежится от голода, холода да тифа с холерой. Из-за паралича промышленности и железных дорог, ненависти и усталости. И вдруг - такой скачок!..

Попробуем сделать из опыта нэпа выводы, полезные для сегодняшнего дня. Что именно надо делать нам для выполнения из нынешней экономической и политической трясины, в общем-то, ясно. И Ленин не путем чисто дедуктивных умозаключений открыл идею нэпа. О необходимости замены той же продрозверстки твердым продналогом писали ему в тысячах писем, звали в резолюциях местных органов, в газетных статьях, в голос твердили "ходоки". Короче говоря, "открытие" лежало на поверхности, надо было только решиться поставить вопрос о жизни и смерти жителей городов (они ведь и без того обеспечивались продовольствием ниже нижнего предела!) в зависимости от

ата (читай - их интересам!), ведь, как ни крути, но Ленин потребовал восстановления (пусть временного и частичного) капитализма! Но у него хватило идейности и политической воли сломить затлевшее в партийных кругах всей страны сопротивление. Увы, на слишком короткое время.

"Если бы не болезнь и не смерть вождя!.." - сколько раз это тоскливо произносилось позже. Что ж, давайте пофантазируем.

ЛЕНИН планировал нэп "всерьез и надолго". Открытие его вызвало у Ленина "коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм". Оно означало, что (наконец-то!) удалось найти "ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов". Ленин был буквально счастлив, что ему удалось открыть самый безболезненный

Запоздалые прозрения

Андрей НУЙКИН

С тем, что Ленин жил, жив и еще, может, будет жить, нельзя не считаться

доброй воли крестьянина: захочет - накормит, не захочет - уморит!

Как бы пошел на столь "рискованный" шаг обычный, профессионально искусственный политик, находящийся у кормила власти? Утвердил бы продналог вместо продрозверстки, но ради уравнивания "мудро" ввел бы еще более строгие ограничения на частную торговлю, чтобы решением своим "не способствовать реставрации капитализма", для низвержения которого трудящиеся пролили реки крови, принесли неисчислимые жертвы и т.д.

Такое соломоново решение, разумеется, вызвало бы неудовольствие мужиков, но обеспечило бы понимание и поддержку пришедшей к власти клики, соориться с которой всегда смертельно опасно. По этой логике у нас и пошла перестройка. Поэтому и начала буксовать на месте с первых шагов.

Ленин пошел "другим путем", он боролся не за собственную власть, а за коммунизм. И видя приближающийся неминуемо крах идеи, решился на конфликт с окружением, которое неизбежно должно было воспринять его как отступника, изменника классовым интересам пролетари-

путь перехода к социализму, путь, обеспечивающий этот переход способом "возможно более простым, легким и доступным для крестьянина", дающим возможность "всякому мелкому крестьянину" участвовать в практическом строительстве социализма.

Это было открытие, это был выход для страны (как думал Ленин), но еще не прозрение. Похожим путем мелкие и немелкие крестьяне в то время во всем развитом мире уже вовсю участвовали в "практическом строительстве социализма" типа шведского, так восторженно воспетого недавно в нашей печати.

Никакой это, конечно, не социализм, а нормальный демократический капитализм, в облагораживании которого принимали участие и социал-демократические партии, заклейменные в свое время Лениным как соглашательские и оппортунистические.

По этому пути пошла бы Россия, восстанавливая капитализм, стыдливо переименованный во что-то межсумочное, если бы не болезнь и смерть Ленина? Вряд ли. И не только потому, что сподвижники и ученики вождя, весь класс номенклатуры, начиная терять всевластие, сладость которого вкусили, быстро устроили бы ему и

болезнь, и смерть, и что угодно. Относительно принципиальной безнадежности попыток сочетать диктатуру, распоряжающуюся самовластно частной собственностью, со здоровой экономикой, рыночными отношениями, конкуренцией и т.д. прозрения у Ленина так и не наступило. Об этом говорят и приведенные выше слова о "проверке", "контроле", "подчинении" частного интереса механизмам государства (к чему они неотвратимо приводили во всех странах - мы знаем!), и немалое количество еще более мрачных его высказываний типа: "Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономического".

Вряд ли есть нужда объяснять, сколь мрачные перспективы для нэпа раскрывает эта фраза. Ленин до конца дней исходил из убеждения, что государство, партия обязаны жестко руководить всеми главными экономическими процессами. Иначе получится, что реки крови были пролиты напрасно. И начинать надо с тех рубежей, для завоевания которых вовсе не требовались ни революция, ни экспроприация собственности. В этом он видел свою верность социализму, надежность отвоеванных "командных высот" и гарантию быстрого экономического и социального прогресса. Хотя, как показала вся последующая мировая практика, зависимости тут прямо противоположные.

Но стоит ли удивляться, что Ленину (имевшему в распоряжении опыт лишь одной страны на протяжении всего нескольких лет) не открылась эта мрачная для идей коммунизма истина, если до сих пор многие ее апологеты, располагая однозначно печальным опытом десятков стран, десятилетиями пытавшихся сотворить жизнеспособную экономику без господства частной собственности, рынка и свободной конкуренции, так и не поняли, что пытаются досыта напоить половинку мюнхгаузеновской лошади?

Если разделить запасы нефти и газа Туркмении на количество ее граждан, то все они должны купаться в золоте не хуже, чем в каких-нибудь эмиратах. Не без оснований им было обещано президентом 10 лет фантастического благополучия. Для начала. Увы... "Опустевшие полки магазинов, где не то что зубной пасты - спичек и мыла не сыщешь, космические даже в сравнении с российскими цены в коммерческих ларьках и на базарах, унылые лица людей, тоскливо бредущих вдоль прилавков с тощими кошельками..." Вот какой "рай земной" обрели, и, похоже, надолго, жители этой, казалось бы, избранной Аллахом страны. Почему? Да потому же, почему неизбежно лопнула бы идея ленинского нэпа, даже если бы он во здравии прожил еще 20 лет сверх отпущенного ему судьбой срока.

Без демократии капиталистическое процветание общества не наступает. А слово "демократия" без господства частной собственности, рынка и свободной конкуренции теряет всякий смысл. Не позволил бы класс советской номенклатуры развиваться в сторону демократического капитализма (по моделям социал-демократов). Для них общее владение собственностью, когда можно ничего не делать и всем обладать, и есть тот "коммунистический рай", из которого

можно выгнать, только произведя новую революцию (а это реально только тогда, когда они доведут, как в нашем случае, страну до полного экономического истощения).

Вот и в Туркмении попытка построить процветающее общество без частной собственности и демократии завершилась быстрым крахом. Китай, правда, создал некоторый запас прочности, раздав землю в частное владение, но можно не сомневаться: попытки идти и дальше, строго контролируя сверху экономику и не давая простора "стихии" рынка и частного предпринимательства в решающих сферах жизни, кончится тоже печально. Дай Бог, чтобы без планетарной трагедии.

Так что не будем возноситься над Лениным из-за того, что не снизошло на него прозрение на этот счет.

ТОГДА о каком же "запоздалом прозрении" мы ведем речь? Перечитайте последние письма Ленина, его "завещание". Бодрится вождь, пробует найти социальные силы, способные осуществить его великие идеи, людей, могущих повести эти силы за собой в нужную сторону, остановить перерождение партии, вырождение идей, но... Тоской и безнадежностью веет от его инвентаризации вождей и в целом - всего "авангарда революции". Слои людей, составлявших "нашу силу" в послереволюционной России, на необъятнейших просторах которой в большинстве своем царят "патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость", оказался "неимоверно тонок", да и тот к периоду введения нэпа "надорвался, переработался". Чего же было затевать строительство коммунизма, если и страна неподходящая, и сил для того, чтобы сделать ее подходящей, нет? И главное - что делать, чтобы реки пролитой крови не оказались совершенно напрасными? Право слово, жалкое впечатление производят самовзбавливающие рассуждения умирающего вождя о Рабкрине, который все исправит, все возьмет под надежный контроль, если его умело составят из элементов действительно просвещенных, "за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести". И на "совесть" как главного гаранта социализма уповает человек, не столь давно бодро утверждавший, что "всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем"! Кто, интересно, должен фильтровать этих носителей внеклассового предвзвешенного при формировании жестко контролирующего всех и вся органа? Сталин? Политбюро? ЧК? Смешно. И грустно. Прозрение, что все жертвы напрасны, все силы потрачены впустую, все летит под откос, пришло, а сделать уже ничего невозможно. Раньше бы прозреть. Где-то году этак в девяностом третьем!

И насчет националистических идеологий нам бы успеть прозреть, пока не оказалась наша бедная Россия вергнутой в еще худшую беду, еще более кошмарную катастрофу.

Увы, похоже, что самые важные и "судьбоносные" прозрения приходят к людям именно тогда, когда уже поздно. Прозревайте, россияне! Небольшой запас времени у нас для этого пока есть. Но очень небольшой.